

тического стиля Новой Джульфы. Наряду с использованием европейских композиций здесь имеет место подражание киликийским образцам.

Предложенные Сирарпи дер Нерсессян выводы, касающиеся армянской миниатюры XVII в., полученные ею в результате изучения конкретных рукописей собрания Честер Битти, не вполне совпадают с теми, которые изложены Л. А. Дурново в работе «Краткая история древнеармянской живописи». Это в первую очередь следует объяснить эклектизмом Джульфинской школы. Оба исследователя, работая над материалами разных коллекций, выявляют различные ее истоки. Главное место в армянской миниатюрной живописи XVII в. Л. А. Дурново отводит Эрзерумской школе, связанной своей традицией с Татевской школой, возникшей в XIV—XV вв. и просуществовавшей почти до конца XVII в.¹³ Эрзерумскую школу Л. А. Дурново считает одним из основных компонентов Джульфинской школы. Виднейшим представителем последней, по словам Л. А. Дурново, был Аюп Джугаеци, которого она также связывает с Эрзерумской школой. Л. А. Дурново предлагает подразделять ее на Татевско-Эрзерумское, Ахтамарское и Новоджульфинское направление¹⁴. Возвращаясь к каталогу Сирарпи дер Нерсессян, хочется отметить, что иконографическая и стилистическая близость миниатюр Месропа из Хизана, украсившего в Исфахане в 1615 г. кодекс № 576 (табл. 51, рис. 3), к миниатюрам Аюпа Джугаеци в рукописи 1610 г.¹⁵, иллиминованной им там же, неоспорима. Л. А. Дурново также упоминает, что этот мастер работал в Ване в 1592 г., именуя себе уже Джугаеци. Интересно вместе с тем отметить, что кодексы № 570, 1541 г. (табл. 43а)¹⁶ и близкий к нему кодекс № 571, XVI в. (табл. 43б) тяготеет к рукописи 1632 г. Матенадараца, написанной, как указывает А. Н. Свирин, опубликовавший одну из ее миниатюр, в сел. Реванш в пределах Эрзерума¹⁷. Орнаментально-плоскостной стиль миниатюр этого кодекса А. Н. Свирин считает характерным для искусства армянской книги XV—XVII вв. Воздействие его, а также иконографического типа евангелистов этой рукописи, несомненно, сказалось и в работах Аюпа Джугаеци¹⁸.

Таким образом, многие вопросы, связанные со школами XVII в., все еще недостаточно ясны; тем более ценен вклад, сделанный в изучение этого периода Сирарпи дер Нерсессян.

Отмечая общее оживление армянской миниатюрной живописи в XVII в., автор каталога выявляет также и другие скриптории этого столетия, останавливаясь при этом только на тех, которые представлены рукописями изучаемой им коллекции.

Один из скрипториев этого времени находился в Амиде. Ведущим художником его, работавшим в конце XVI и в XVII в., был писец Ованес, который иллюстрировал сокращенную библию (кодекс № 551, табл. 49—50). Так же как и многих художников Новой Джульфы, его привлекали ранние киликийские рукописи, которым он успешно подражал. В некоторых деталях сказалось заимствование декоративных элементов из мусульманских рукописей. Европейские образцы, по-видимому, также были известны в Амиде.

Сирарпи дер Нерсессян указывает на существование в поздний период (после XV в.) скриптория и в Константинополе. Работы XVII в. имеют здесь тот же эклектический характер, как и в Новой Джульфе; также ценятся киликийские рукописи и имело место подражание западноевропейским образцам; одновременно сказывалось и поствизантийское влияние. Орнаментальные композиции рукописей, написанных в Константинополе, часто очень богаты, заставки занимают более половины страницы (кодекс № 553, табл. 56), в убранство, близкое к киликийским рукописям, влетают поздние мотивы.

С влиянием поствизантийских манускриптов Сирарпи дер Нерсессян связывает и кодекс № 605 (табл. 58—60), который, по ее мнению, мог быть написан в Константинополе или в Крыму, где были известны греческие образцы.

Несколько строк автор посвящает рукописям, написанным в Токате и представленным в альбоме кодексами № 586, 603 (табл. 62, 57), возможно, и кодексом № 606 (табл. 61). По словам Сирарпи дер Нерсессян, писцы Мкртич и его сын Аствацатур, украсившие, по-видимому, две первые рукописи, были более искусны в орнаментальных композициях, чем в изображении фигур. В целом же лицевые миниатюры и многочисленные маргиналы повторяют типы, обычные для XVII в. Западные образцы не пользовались, очевидно, большой популярностью в провинциальных городах Малой Азии.

¹³ Л. А. Дурново. Указ. соч., стр. 49, 50, 51. К сожалению, автор лишь упоминает две рукописи этой школы, не останавливаясь на них подробно.

¹⁴ Там же, стр. 52.

¹⁵ Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952, табл. 59.

¹⁶ Написан в Чемашкадзаке, вилайет Мамирет ель Азияз, севернее санджака Дерсима (см. реценз. соч., р. 69).

¹⁷ А. Н. Свирин. Указ. соч., стр. 122 и 127.

¹⁸ Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра, табл. 58.